

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Смерть
как
ИСКУССТВО

Книга 1

МАСКИ

МОСКВА

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств	Городской тариф
Игра на чужом поле	Чувство льда
Украденный сон	Все не так
Убийца поневоле	Взгляд из вечности. Благие намерения
Смерть ради смерти	Взгляд из вечности. Дорога
Шестерки умирают первыми	Взгляд из вечности. Ад
Смерть и немного любви	Жизнь после Жизни.
Том 1, Том 2
Черный список	Личные мотивы
Посмертный образ	<i>Смерть как искусство. Маски</i>
За все надо платить	Смерть как искусство.
Правосудие
Чужая маска	Бой тигров в долине
Не мешайте палачу	Оборванные нити
Стилист	Последний рассвет
Иллюзия греха	Ангелы на льду не
выживают
Светлый лик смерти	Казнь без злого умысла
Имя потерпевшего никто	Обратная сила. 1842–1919
Мужские игры	Обратная сила. 1965–1982
Я умер вчера	Обратная сила. 1983–1997
Реквием	Цена вопроса. Том 1, Том 2
Призрак музыки	Горький квест.
Том 1, Том 2, Том 3
Седьмая жертва	Другая правда. Том 1, Том 2
Когда боги смеются	Безупречная репутация.
Том 1, Том 2
Незапертая дверь	Отдаленные последствия
Том 1, Том 2
Закон трех отрицаний	Тьма после рассвета
Соавторы	Дебютная постановка.
Том 1, Том 2
Воюющие псы одиночества	
Тот, кто знает. Опасные вопросы	
Тот, кто знает. Перекресток	
Фантом памяти	
Каждый за себя	
Замена объекта	
Пружина для мышеловки	

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Смерть
как
ИСКУССТВО

Книга 1

МАСКИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Маринина, Александра.

М26 Смерть как искусство. Книга 1. Маски / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-04-216180-3

«Жизнь — театр, а люди в нем — актеры». Известное шекспировское изречение как нельзя лучше подходит к новому роману королевы современного детектива Александры Марининой. Ведь Театр — не только высокое искусство, он как живой организм, не терпящий лжи, предательства и порой мстящий очень жестоко.

В театре «Новая Москва» совершается загадочное и непонятное для окружающих преступление — покушение на режиссера и художественного руководителя Л.А. Богомолова. Теперь уже частный детектив Анастасия Каменская и молодой оперативник с Петровки Антон Сташис приступают к расследованию, которое приводит их к удивительным и неожиданным результатам. Подозреваемых много, все они лгут, и у каждого для этой лжи есть свои причины: и родительская любовь, и слепая страсть, и гнусный шантаж, и жажда успеха, достигающегося слишком дорогой ценой, и страх разоблачения. Казалось бы, все вращается вокруг Театра, но одно маленькое, вроде бы незначительное событие, уходящее корнями в прошлое и ставшее в результате роковым, порождает новое зло. И сегодня пришло время восстановить справедливость...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216180-3

© Алексеева М.А., 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Просто вы не знаете, что такое театр. Бывают сложные машины на свете, но театр сложнее всего...

М. Булгаков.

«Театральный роман»

У подполковника Сергея Кузьмича Зарубина были две слабости. Даже не слабости, а так, обстоятельства. Первое: у него чрезвычайно маленький для подполковника милиции рост, но это не порождало у Сергея Кузьмича никаких комплексов, а напротив, служило поводом для всяческого подшучивания над самим собой. И второе: он не любил артистов. Ну, не то чтобы совсем не любил, боялся он их. И даже не то чтобы совсем уж боялся, просто опасался и как-то сторонился. Дело в том, что отец Сергея Кузьмича, незабвенный Кузьма Сергеевич Зарубин, очень любил играть в самодеятельном театре, при этом лупил сынка почем зря и периодически напивался по-черному, а мама Сергея говорила, утирая слезы то сыночку, то себе самой:

— Папка у нас с тобой человек творческий, надо с пониманием относиться.

С каким таким пониманием надо было относиться к ремню и бутылке, Сережа не знал,

но с детства у него сложилось твердое убеждение, что люди творческие, и в особенности артисты, — это те, понять кого ему не дано никогда. И лучше всего дела с ними не иметь.

Но иметь дело, судя по всему, придется, потому что, когда совершается покушение на художественного руководителя театра, избежать общения с артистами и прочей творческой публикой никак невозможно. А как с ними общаться? Это же всю голову сломаешь! Надо заметить, что в свое время к женитьбе друга и начальника Юрия Викторовича Короткова на актрисе Ирочке Савенич Сергей Зарубин отнесся вполне индифферентно. Ирка ему нравилась, она была своя в доску, простая, понятная, ужасно красивая, ужасно веселая и ужасно вкусно умела готовить. Какая-то она была обыкновенная, совсем не артистическая, не творческая, без всяких там специфических особенностей. Так что, наверное, не все артисты такие, с вывертом, что и не понять ничего. Однако слишком хорошо Сергей Кузьмич помнил своего батюшку, не будь он тем помянут. А жену Короткова продолжал считать редким исключением из общего правила.

Как бы эдак вывернуться, чтобы все-таки с артистами работал кто-нибудь другой? Покушением на режиссера Богомолова занимались два опера с территории, на которой находилось место происшествия, но они отрабатывали версию о том, что на художественного руководи-

ля театра «Новая Москва» напали или случайные бандиты, или местная шпана, а тот факт, что у него ничего не взяли, может свидетельствовать о том, что преступников просто спугнул запоздалый прохожий или совершавшая объезд машина патрульно-постовой службы. Оперативники с территории шерстили уголовников и хулиганов, поднимали агентуру, если она у них вообще была, искали очевидцев, в общем, совершали рутинную, скучную, но обязательную в таких случаях работу. Через два дня после покушения к делу подключили Петровку, а конкретно — Сергея Зарубина и нового сотрудника Антона Сташиса, пришедшего в отдел пару месяцев назад из Восточного округа Москвы. Сергей вместе со следователем Блиновым отработывали версию, связанную с отношениями Богомолова в высоких управленческих кругах, а также с возможными финансовыми нарушениями или махинациями. А всем, что связано непосредственно с театром, занимался один Антон, молодой и не особо опытный. А театр-то — не кот начхал, двести человек как одна копеечка. Ну куда молодому зеленому оперу такую махину поднять? Понятно, что Сергей должен вместе с ним по театру работать. Но до чего ж не хочется... Смех смехом, а ему, подполковнику милиции, даже порог здания театра переступить страшно.

Зарубин с тоской подумал о том, что сегодня День милиции, 10 ноября, но отметить

праздник в кругу друзей-коллег вряд ли удастся. И вместо того чтобы радостно поднимать бокал за прошлые и будущие служебно-разыскные успехи, он должен сидеть и разговаривать с родственником потерпевшего Богомолова, родным братом его жены, на предмет: не жаловался ли Лев Алексеевич на финансовые трудности, не рассказывал ли, что на него «наезжают». Может быть, он в кругу семьи упоминал о ярых завистниках или о людях, которые его за что-то ненавидят? Конечно, правильнее было бы все эти вопросы задавать все-таки жене Богомолова, а не ее брату, но жена потерпевшего для разговоров совсем не пригодна, она днями и ночами сидит в больнице и ждет, никак от шока оправиться не может. А Лев Алексеевич лежит с проломленным черепом в реанимации без сознания, и что будет дальше — врачи прогнозировать не берутся. У них один ответ: мозг — структура, до конца далеко не познанная, как он себя поведет — никто не знает, может, больной придет в себя через пять минут, а может, через пять месяцев.

Брат жены Богомолова, мелкий бизнесмен Вадим Дмитриевич Вавилов, крепенький и плешивенький, совершенно не похожий на свою красавицу сестру, явно переживал и за нее, и за деверя и очень хотел быть полезным, старательно вспоминал все, что когда-либо за время знакомства слышал от Богомолова, но пока во всех этих воспоминаниях не было ничего, проли-

вающего свет на причины преступления или хотя бы позволяющего выстроить очередную версию. И Зарубин решился. Идея осенила его примерно полчаса назад, и он, задавая вопросы Вавилову и выслушивая его ответы, параллельно пытался оценить то, что пришло ему в голову. И чем больше оценивал, тем больше собственная идея ему нравилась.

— Вадим Дмитриевич, вы хотите, чтобы покушение на Льва Алексеевича было раскрыто?

— О чем вы, Сергей Кузьмич?! Разумеется, хочу.

— И вы готовы платить за это?

— Кому? — несказанно изумился Вавилов. — Вам? Это что, новые правила такие?

— Видите ли, Вадим Дмитриевич, — терпеливо принялся объяснять Зарубин, — вы сами говорите, что Лев Алексеевич — человек тяжелый, неуживчивый, грубый, не сдержанный на язык, а если так, то врагов у него видимо-невидимо. А наши милицейские силы и возможности весьма и весьма ограничены, на одно дело никак не выделить столько сотрудников, сколько требуется, потому что есть и другие дела, а сотрудников все-таки не хватает. Если вы действительно заинтересованы в том, чтобы преступник был найден, я готов подсказать вам один вариант. У нас на Петровке много лет работал сотрудник, которого можно было бы привлечь к работе. Но это будет стоить денег.

— Что, бывшие милиционеры все такие ко-

рыстные? — усмехнулся Вавилов. — За идею работать не хотят?

— Бывшие милиционеры работают не за идею, а за зарплату, впрочем, как и действующие, — холодно откликнулся Зарубин. — Человек, о котором я говорю, работает в частном детективном агентстве, и его время стоит денег, потому что оно — рабочее, а свободного времени у сыщиков не бывает. Вы готовы платить?

— А вы гарантируете результат?

— Гарантирую.

Зарубин очень старался, чтобы голос его прозвучал твердо, но ему самому послышалась некоторая неуверенность. Настя Пална, конечно, человек надежный, но кто его знает... Все-таки театр — это тебе не бандитская группировка.

— У меня нет свободных денег, — ответил Вавилов, немного подумав. — Масштаб моего бизнеса не так велик, как вам, вероятно, кажется. Но если вы уверены в целесообразности того, что предлагаете, я найду деньги, это моя проблема.

И Зарубин с облегчением перевел дух.

— Ну купи, Настенька, сделай себе подарок ко Дню милиции, — уговаривала Настю Каменскую Ирина Савенич. — Смотри, как тебе идет.

Настя добросовестно смотрела в высокое зеркало и признавала, что да, действительно,

этот темно-серый трикотажный костюм, с узкой юбкой чуть ниже колена и облегающим коротким пиджаком, ей очень идет. Костюм ей нравился, а вот цена — нет. Но для нее главное — уловить идею, понять, из каких тканей и какого фасона и цвета вещи хорошо сидят на ней и не делают еще более блеклой ее и без того бесцветную внешность, которую Настя категорически отказывалась совершенствовать при помощи макияжа. На макияж нужно тратить время, а времени ей жалко. С тех пор как Настя стала работать в частном детективном агентстве у своего старинного друга Владислава Стасова, у нее появились деньги, и она в принципе нет-нет да могла бы позволить себе купить какую-нибудь по-настоящему дорогую одежду известной фирмы. Но тут Настя была непреклонна: в бутике она только примеряет и прикидывает, а потом ищет аналогичные вещи в магазинах с «человеческими», а не заоблачными ценами.

Жена Настиного брата Александра Каменского Даша была владелицей как раз такого вот бутика, забитого до отказа брендовыми шмотками, и каждый раз, приезжая сюда для «примерок и прикидок», Настя выслушивала Дашкины уговоры что-нибудь купить, но ни разу не отступила от собственных правил: переплачивать за бренд она не собирается, деньги не на улице нашла, а честно заработала и цену им знает очень хорошо. Сегодня натиск был удво-

ен: вместе с Настей к Даше приехала и жена Юры Короткова Ира, которая, в отличие от самой Насти, делала в Дашином магазине покупки с нескрываемым удовольствием и при этом не уставала причитать:

— Господи, какая же я толстая корова! На меня совершенно ничего нельзя подобрать, мне все мало. Если бы я была такой худышкой, как ты, Настюша, я бы уволокла весь магазин на себе. Ты какую вещь ни возьмешь — на тебе все отлично сидит, а я пока найду хоть что-нибудь — рак на горе свистнет.

Все-таки Ире удалось найти платье, которое хоть и обтянуло ее аппетитные формы, но выглядело на ней отлично и даже делало стройнее. Поняв, что уговорить Настю на покупку не удастся, Даша горестно вздохнула и повела своих гостей в кабинет пить кофе.

— Как Юрка? — спросила Настя Иру. — Справляется? Или скучает?

Вопрос был не праздным. Юрий Коротков был старше Насти и в отставку с должности заместителя начальника отдела ушел раньше ее. Сначала он попытался устроиться в частной фирме, но очень быстро выяснилось, что мужчины его возраста и квалификации востребованы только в одном направлении: уметь решать вопросы и заносить конверты. В первый же раз, как только Коротков позвонил по телефону, указанному в объявлении о том, что требуются

сотрудники в службу безопасности, его открытым текстом спросили:

— В каких службах можете решать вопросы?

Тогда он подумал, что ему просто не повезло, и позвонил еще в несколько мест, разместивших такие же объявления. Однако вопросы он услышал те же самые. Что же касается конвертов с деньгами, которые нужно будет «заносить», тут никто ничего впрямую не говорил, но Юре хватило ума самому догадаться.

Он загрустил и чуть было не запил, и тут подвернулся Александр Каменский со своим банком, у которого был, помимо всего прочего, и целый ряд непрофильных объектов.

— Пойдешь директором пансионата в Подмосковье? — предложил Александр.

Первой реакцией полковника в отставке Короткова был категорический отказ. Он, профессиональный сыщик, милиционер с тридцатипятилетним стажем, — и директор пансионата? Это же курам на смех! Однако время шло, а такой работы, которая заинтересовала бы Короткова и не отпугивала тем, что ему претило, так и не появлялось. И он, скрипнув зубами, принял предложение банкира Каменского.

С тех пор прошло пять лет, и совершенно неожиданно для себя самого Коротков увлекся и загорелся своей работой. Энергичный, инициативный, трудяга, он все время что-то придумывал и усовершенствовал: то стал создавать оздоровительный комплекс, то вводил в столо-

вой разные программы питания — для вегетарианцев, диабетиков, язвенников, детей, то специальные детские программы, чтобы освободить родителей и дать им возможность провести время в фитнес-центре или все в том же оздоровительном комплексе с разнообразными СПА. Кроме того, Юра как человек, который отнюдь не понаслышке знал, до чего доводит пустое времяпрепровождение с водкой, старался максимально занять вечера отдыхающих разными культурными мероприятиями, и в этом ему очень помогло то, что пансионат располагался в живописном месте на берегу озера. Как-то, по случаю, его жена Ирина порекомендовала режиссеру, у которого в тот момент снималась, при выборе природы обратиться к Короткову. Юра колебался недолго, разрешение на съемки на огромной территории пансионата дал, но взамен договорился, что, помимо официальной оплаты через бухгалтерию, будут проводиться творческие вечера с актерами для отдыхающих во всех заездах на протяжении всего периода съемок. Период оказался длительным, потому что снимали сериал, действие которого происходило как раз на берегу озера, и практика встреч с известными артистами и режиссерами стала для пансионата привычной. После этих съемок последовали и другие, уж больно красивой оказалась местность и превосходными — условия работы, а Коротков через Ирину и режиссеров, с которыми знакомился, стал ре-

гулярно приглашать экранных звезд на радость всем обитателям вверенного ему пансионата.

Так что с работой у Юры все утряслось, а вот с семьей нелады продолжались. Ира была его второй женой, от первого брака у него остался сын. Сын женат, у него растет дочка, и все они живут вместе с первой женой Короткова Лялей. Главная беда состояла в том, что сын и его супруга крепко пристрастились к алкоголю и Ляля ничего не может с этим поделать. Конечно, Коротков тоже вмешивался неоднократно, и вел с сыном жесткие мужские разговоры, и пугал, и ругал, и устраивал на лечение, но молодой человек, сначала соглашаясь лечь в больницу, через три-четыре дня убегал оттуда, и все начиналось сначала. И Юрий задумал отсудить пятилетнюю внучку у сына, чтобы воспитывать ее вместе с Ириной, у которой детей быть не может. Ира сразу согласилась, ей так хотелось, чтобы у них с Юрой была полноценная семья с детьми, но Коротков все не мог решиться на первый шаг: все-таки это не шутка — затевать судебную тяжбу с собственным сыном. А то, что судиться придется, не вызывало сомнений, потому что предложение отца решить дело полюбовно и просто отдать девочку деду на воспитание без каких либо правовых оснований было встречено сыном и невесткой категорическим, хотя и немотивированным отказом.

— Юра хочет еще раз попробовать догово-

риться, — вздохнула Ирина, потрянув пышными смоляными кудрями. — Все-таки родной сын, никуда от этого не денешься. Жалко его.

— Но ведь малышку тоже жалко, — заметила Даша. — Как она будет расти рядом с вечно пьяными родителями? Что из нее получится в результате?

— Ничего хорошего, — согласилась Ирина. — Будем надеяться, что Юрка найдет какие-то слова, которые их убедят. Не хочется дело до суда доводить. Кстати, девочки, двадцать третьего ноября Юрка назначил мне встречу с отдыхающими в своем пансионате. Приезжайте, а?

— Да мы тебя и так видим, — рассмеялась Настя. — Зачем нам для этого в пансионат ехать?

— Ну при чем тут я? — возмутилась Ира. — Не ради встречи со мной вы приедете, а ради Юрки, он будет страшно рад вас видеть, шашлычки сделаем, на лошадках покатаемся. Ну правда, приезжайте, Дашка детей возьмет, ты, Настя, Чистякова своего привези, и будет у нас настоящий семейный выезд.

— Идея хорошая, — кивнула Даша, — только давайте я без Саши поеду.

Ира понимающе усмехнулась, а Настя не поняла и спросила:

— Почему без Саньки? Как же без него? Ведь он над этим пансионатом самый главный начальник.

— Вот именно поэтому и не надо ему туда ехать просто так, — пояснила Даша. — Если с инспекцией — это одно дело, а если отдохнуть, это же весь персонал будет на ушах стоять. Ну как же, сам Каменский явился! Будут трястись, как осиновые листья, не зная, как встать, как подать, как сказать, как угодить. На фига это надо — так людей напрягать? Мы и без него отлично время проведем. Настя, по-моему, у тебя телефон в сумке надрывается.

Настя прислушалась. Действительно, надывается, тоненько так, жалобно. Сумка стоит далеко, странно, что Дашка даже в пылу разговора услышала такой негромкий звук. Она потянулась к сумке и поняла, что не достанет, придется вставать. Вставать не хотелось.

Но пришлось.

— Каменская, ты где спряталась? Я уже в третий раз тебе набираю, а ты все не подходишь, — загудел в трубке зычный бас Стасова.

— Я у Даши, ты же сам меня отпустил, — растерянно ответила Настя, у которой сегодня, в День милиции, был совершенно законный выходной после сданного отчета о выполнении очередного задания.

— Как отпустил, так и отменяю твой отпуск, — отрезал Стасов. — Прыгай в машину и дуй в контору. Тут у меня сидит твой задушевный дружбан Серега Зарубин, у него есть интересное предложение.

Настя сама удивилась, насколько обрадовал

ее этот звонок. И чего она так радуется? Ведь сидит же с девчонками, которых любит и которых давно знает, пьет вкусный крепкий кофе, ест вкусные маленькие пирожные, которые Дашка покупает специально для нее в соседнем ресторане, обсуждает милые женские вопросы, такие непринципиальные и в то же время такие важные. И вдруг — на тебе, бросай все и езжай на работу. Да от этого кто угодно взбесится! Кто угодно. Только не Настя Каменская.

Ей повезло. Иногда бывает, что, пока доедешь куда-нибудь, все пробки соберешь, а случается — пролетишь стрелой без единой поддержки. Вот как сегодня. Наверное, это ей персональный подарок судьбы ко Дню милиции. Через сорок минут Настя уже парковала свой серебристый «Пежо» в Перово возле дома, где располагался офис агентства «Власта».

Она заглянула в приемную Стасова, и секретарь сказала, что ее ждут в переговорной. Распахнув дверь, Настя увидела за большим столом Стасова, Сережку Зарубина и еще какого-то полноватого плешивого дядьку. Интересно, кто это может быть?

— Знакомьтесь, это наш лучший специалист по преступлениям против личности Анастасия Павловна Каменская, — представил ее Стасов плешивому. — А это, — он бросил короткий взгляд на лежащую перед ним визитную карточку, — Вадим Дмитриевич Вавилов.

Плешивый привстал со своего места и креп-

ко пожал Насте руку. Ладонь у него была сухая, теплая и шелковистая, что совсем не вязалось с его общим обликом. Настя с трудом сдержала улыбку.

— Сергей Кузьмич очень рекомендовал мне обратиться именно к вам, — произнес Вавилов. — Речь идет о покушении на жизнь мужа моей сестры.

— Позвольте, Вадим Дмитриевич, я сам изложу коллеге суть вопроса и все обстоятельства, — прервал его Зарубин. — Я полностью владею всей информацией, и мы с Анастасией Павловной сами договоримся о разделении сфер деятельности. Верно я говорю, Настя Пална?

Насте на мгновение стало неприятно. Ее ни о чем не спрашивают, никому не интересно, что она думает и чего хочет, за нее уже все решили, за ее спиной договорились, в общем, сторговали, как лошадь на базаре, и теперь Сережка Зарубин уже считает, что вопрос стоит только о разделении полномочий и раздаче заданий, а вовсе не о ее согласии. Но тут же осекла сама себя: она что, с ума сошла? Какое согласие? Какое мнение? Кого оно должно интересовать? Она здесь наемный работник, она в штате, получает зарплату и должна делать, что велят. У нее есть начальник, Владик Стасов, вот его мнение действительно имеет значение. В конце концов, Стасов дает ей возможность работать по специальности, и за это ему огром-